

ПАТРИОТИЗМ ВЕЛИКОДУШИЯ

Дмитрий Григорьев,

- патриотизм великодушия
- сущность патриотизма
- патриотическое сознание человека
- историческая наука • событие
- воспитание великодушия

Эту статью написал наш друг. Друг, любимый сотрудник и автор журнала «Народное образование». Историк, потомственный педагог, замечательный журналист и незаменимый собеседник. Одни из лучших учеников Владимира Абрамовича Караковского. Один из лучших авторов «Народного образования» в XXI веке. Добрый, ищущий Человек с большой буквы — и это ощущалось в каждой его статье. Как мало таких в любые времена... Уверен, что под этими словами подпишется каждый, кто знал Дмитрия Васильевича Григорьева (1974—2017). Тяжёлая болезнь до срока унесла его от нас. Эта трагедия не зарубцевалась. Проходят годы, но примириться с такой потерей трудно.

«Педагогическая поддержка поиска старшеклассниками смыслов жизни» — такова была тема его кандидатской диссертации. Это не просто тема научной работы, а призвание и даже образ жизни. По существу, об этом он писал и в статье о патриотизме, которую мы предлагаем вашему вниманию.

В этой статье, которая ничуть не устарела, можно услышать голос Дмитрия Васильевича, его интонацию человека, влюблённого в жизнь и в творчество, в своих учителей и учеников. Он спорит, отстаивает свою правду — с уважением к оппоненту, с любовью к истине. Таким и останется в нашей памяти.

Арсений Замостьянов

Педагогика сегодня озабочена собственной технологичностью, её больше волнует форма, нежели содержание. Но форма — это то, что со-держит, поэтому вне рефлексии содержания поиск эффективных форм воспитания бессмыслен по сути.

Это особенно хорошо заметно на примере патриотического воспитания. Здесь отсутствует внятный

ответ на вопрос, о чём мы говорим и что делаем, когда объявляем, что воспитываем у наших детей любовь к Родине. Это приводит, во-первых, к тому, что вытесняются иные смыслы патриотизма кроме военного, во-вторых, у школьников на фоне «торжественных заседаний», «шестивий», «праздничных концертов», «вахт», «военно-спортивных мероприятий» формируется либо парадно-показное, подданническое, далёкое от рефлексивности и гражданственности, либо равнодушно-циничное отношение к собственной стране.

Одна из немногих попыток научно определить содержание патриотического воспитания принадлежит известному педагогу С.Д. Полякову и описана в его новой книге «Реалистическое воспитание». Для дальнейшего анализа считаю важным изложить точку зрения автора близко к тексту¹.

По мнению С.Д. Полякова, невозможно определить содержание патриотического воспитания вне выявления его реальной, диагностируемой цели. Поскольку привычное «формировать любовь к Родине» признать таковой сложно, он предлагает рассматривать в качестве цели формирование патриотического сознания.

В психологии принято выделять в сознании три компонента: знаниевый, отношенческий и деятельный. С этой точки зрения патриотическое сознание включает в себя:

знание человеком фактов культуры, истории, которые он воспринимает как события своей истории, культуры (на языке «внутреннего голоса» это звучит так: «Я знаю, что это наше, моё!»);

положительное отношение к «нашим», фактам истории и культуры («Я горжусь, одобряю такие-то события, факты нашей культуры, истории»);

готовность участвовать в деятельности по развитию культуры, жизни в нашей стране (позиция — «Я готов, настроен действовать на благо своей страны»).

Второй, отношенческий компонент, по мнению С.Д. Полякова, главный, системообразующий. Это и есть то, что принято называть чувством патриотизма. Из чего состоит это чувство? Автор указывает такие составляющие: глубинное чувство принятия страны, чувство своей принадлежности к позитивному в стране (причастности своими делами, историей своих близких, школы).

Но что считать позитивным?

На первый взгляд, отмечает исследователь, всё просто: позитивное в истории, в стране — то, что развивает культуру, цивилизацию. И спи-

сок соответствующих сфер богат и разнообразен: философия и религия, наука и искусство, техника и производство, социальная организация и образование, спорт и военное дело.

Однако простота здесь кажущаяся. Стоит ли гордиться изобретением танков, утраченных плоскогорья Афганистана? Или построением дороги «Якутск — Магадан» ценой жизни тысяч и тысяч заключённых? Формула «развитие культуры и цивилизации», оказывается, может породить и монстра античеловеческого патриотизма.

Более того, подчёркивает С.Д. Поляков, различить, где в культуре свет, а где тьма, порой весьма непросто. Гордиться ли деятельностью С.П. Королёва — ведь он создатель не только ракеты Ю. Гагарина, но и военных ракет, которые могли уничтожить целую страну? Гордиться ли А.Д. Сахаровым — ведь это не только нравственный образец, но и разработчик термоядерных сверхбомб, взрывы которых могли уничтожить земную цивилизацию? Что наша армия несла в 1945 г. в Европу? Освобождение от фашизма? Да. Но и насаждение своего, не нужного этим странам политического режима...

В чём же общее мерило, общий критерий позитивного в истории и культуре страны? С.Д. Поляков вводит следующий «императив позитивности»: чувство патриотизма — это чувство причастности к тому в культуре и цивилизации своей страны, гордость за то, что несёт возможность жить и развиваться любому человеку в этой стране и не мешающее жить людям иных стран. Достижения, убивающие, разрушающие физически, психически «своего» и «чужого» — не предмет патриотизма.

Предложенную максимуму С.Д. Поляков подкрепляет примерами.

К непатриотичным историческим событиям и явлениям он относит Октябрьскую революцию, баллистические ракеты Королёва, флот Петра I, песню «Интернационал».

Несомненно патриотичными, по его мнению, являются феномены А.С. Пушкина, Д.Д. Шостаковича, М.В. Ломоносова, Ю.А. Гагарина.

¹ Поляков С.Д. Реалистическое воспитание. — М.: Центр «Педагогический поиск», 2004. С.101 — 107

Двойственными, противоречивыми оказываются А.Д. Сахаров, С.П. Королев, 1945 г.

В педагогической деятельности по воспитанию патриотизма автор выделяет два уровня: работу с несомненными культурными ценностями и специальную работу с двойственными культурными феноменами. И та и другая должны строиться как проблемные, требующие от школьников умения анализировать сложные явления, определить и защитить свои позиции, а также умения конструктивно взаимодействовать с иными позициями.

По отношению к двойственным феноменам воспитателю следует открывать ребятам и вместе с ними анализировать их неоднозначность, показывать, при каких условиях те или иные достижения вписываются в развитие культуры, а когда они оказываются противокультурными.

Остановлю на этом изложение взглядов С.Д. Полякова, потому что время и место вступить в диалог.

Патриотизм как *гордость за позитивное* на первый взгляд выглядит вполне приемлемо. Но только на первый взгляд.

Есть в исторической науке весьма убедительная точка зрения, что понятие патриота, патриотизма возникло в среде метеков — переселенцев в древнюю Элладу из других стран. Им, чужакам, и их детям предстояло жить среди греков, и они хотели, стремились полюбить новую родину. Решая эту задачу, они и отрефлексируют своё чувство в понятии патриота.

Это событие имеет последствия. Во-первых, становится понятным исток того, почему общество особенно взволновано патриотизмом в те периоды, когда чувствует своё отчуждение, разрыв с культурой и историей страны (другими словами, чувствует себя метеками) и хочет этот разрыв преодолеть. Во-вторых, метеки, чтобы полюбить Грецию, собирались *что-то сделать с собой*, но отнюдь не с Грецией. Не делить историю и культуру Греции в зависимости от своих предпочтений, а *самим принять* Элладу как целое.

Гораздо позже, в начале XX века, эту ситуацию воспроизвёл английский писатель и

католический мыслитель Г.К. Честертон. Он написал о патриотизме: «Это одно из самых благородных чувств, когда патриот говорит: «Достоин ли я Англии?» Но стоит ему высокомерно сказать: «Я — англичанин!», и патриотизм обратится в гнуснейшее фарисейство»². Обратите внимание: «я» патриота стоит не под восклицанием, а под вопросом, это «я» усомневает само себя, чтобы обрести право и возможность соизмерять себя с целым. У С.Д. Полякова же именно «я» решает, что несомненно, а что двойственно в истории и культуре страны.

Я уверен, что сущность патриотизма не в гордости, а в ином, гораздо более редком сегодня проявлении человеческого духа — **великодушии**. Великодушие в том смысле, в котором М.К. Мамардашвили говорил о Декарте: «... великодушие Декарта — это способность *великой души* (курсив. — М.М.) *вместить весь мир, как он есть* (курсив мой. — Д.Г.), и быть недовольным в этом мире только самим собой. ... Великая душа вмещает соседство — не убудет меня — с глупым, невежественным, преступным. Да и не там предмет её борьбы. Предмет борьбы во мне самом. И более того, великодушие предполагает, что мир таков, что в любой данный момент в нём может что-то случиться только с моим участием»³. И ещё: «Великодушие — это свобода и власть распоряжаться собой и своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит»⁴. Замечу: в великодушии нет бессилия, которое так или иначе сопутствует всепрощению, это сила участвующего принятия мира.

Что меняется в патриотическом сознании человека в зависимости от того, основано ли оно на гордости или великодушии? Многое. Во-первых, смещается акцент: гордость — могу ли я **гордиться** своей страной, сознавая моменты её величия и ничтожества? Великодушие — могу ли я **любить** свою страну в моменты не только её взлетов, но и падений? Во-вторых, патриотизм гордости избирателен, он делит историю и культуру страны на достойное и недостойное его. Патриотизм

² Честертон Г.К. Вечный Человек: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1991. — С.485

³ Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. — С.16

⁴ Там же, с.15

великодушия ничего не делит, он *вспричастен*, радуется, гордится светлым и страдает, мучается тёмным.

Это А.С. Пушкин в письме к П.Я. Чаадаеву: «... я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблён, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Это А.С. Хомяков в стихотворении 1844 г.:

*Не говорите: <То былое,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов>.
Нет! Этот грех — он вечно с нами,
Он в вас, он в жилах и крови.
Он сросся с нашими сердцами —
Сердцами мёртвыми к любви.*

Это наш современник, литовский поэт Томас Венцлова в своём знаменитом эссе «Евреи и литовцы»: «Если считать народ огромной личностью — а непосредственное ощущение говорит, что эта персоналистская точка зрения единственно ценна и справедлива в мире моральном, — то к этой личности причастны все в народе — и праведники, и преступники. Каждый совершённый грех отягчает совесть всего народа и совесть каждого в нём. Сваливать вину на другие народы нельзя. В своём они разберутся сами. В нашем разбираться и раскаиваться нам. Это, собственно, и есть смысл причастности к той или иной нации»⁵.

Выше было приведено определение патриотического чувства, данное С.Д. Поляковым. Я позволю себе его переформулировать: чувство патриотизма — это чувство причастности ко *всему* в культуре и цивилизации своей страны, радость за то, что несет возможность жить и развиваться любому человеку своей страны и не мешает жить людям иных стран, и сожаление, боль, стремление преодолеть то, что так или иначе мешало и мешает своим и чужим. Формирование именно такого, ос-

нованного на великодушии, чувства любви к Родине — вот, на мой взгляд, главная задача патриотического воспитания сегодня.

Не могу согласиться с постановкой С.Д. Поляковым вопроса о непатриотичном, двойственном и несомненно патриотичном в нашей истории и культуре.

На мой взгляд, двойственность — это не о А.Д. Сахарове, не о С.П. Королёве. О них — трагедия целостности. Именно эта трагедия всегда, начиная с античности, была сущностью героя. Ахиллес знал, что ему суждено погибнуть, но не пытался ни избегнуть смерти, ни предотвратить её, ни договориться с богами и троянцами, а продолжал выполнять свой долг воина. Только в наше время появился иной смысл героизма, когда, по словам М.К. Мамардашвили, «мы требуем от других совершения того, на что сами, как правило, не способны. Уже сам факт подобного требования невеликодушен, а героем может быть только великодушный».

Говоря о двойственности А.Д. Сахарова или С.П. Королёва, мы невеликодушно, задним числом требуем от них не участвовать во зле. Но ведь проблема состоит не в том, чтобы избежать зла (избегающий зла уходит с поля битвы его с добром и в конце концов «тонет в фарисействе»), а в том, чтобы его преодолеть. И нашим героям это удалось, потому-то мы по ним и сверяемся. Их жизнь свидетельствует, что целостность обретается не ценой выбора (и значит снятия) одной из сторон, а мукой удержания их вместе. Вот это хорошо бы понять и почувствовать нашим воспитанникам. А, делая акцент на двойственности, мы порождаем в сознании ребят миф, что можно всегда выбирать что-то одно (например, избежать зла) и обретёшь целостность. Нет.

Несколько раз С.Д. Поляков повторяет вопрос: гордиться ли чем-то, зная, что оно двойственное? Предполагается, что этот выбор ставит перед школьниками и педагог. Но действительно ли ребята знают, что выбирают, осознают ли они достаточно полно, что стоит за каждой стороной двойственности? Чувствуют ли они тот надрыв, который сопровождает не умозрительные, а жизненные альтернативы? Как правило,

⁵ Цит. по: Ямбург Е.А. Школа на пути к свободе: Культурно-историческая педагогика. — М.: «ПЕР СЭ», 2000. — С. 183

нет. Но чтобы выбирать по-настоящему, а не с решительностью варвара, пробираясь альтернативами, надо сострадать, сопереживать, мучиться выбором. Учитель, идя на дискуссию, должен об этом много думать, должен сосредоточиваться на том, как информатизировать и проблематизировать выбор школьников.

Есть самоопределение как определение себя, границ своего Я по отношению к тому целому, частью которого ты являешься. И есть самоопределение как замыкание в себе и на себя, как отказ от своей частности по отношению к целому и утверждение своей единственности. Педагог, строящий диалог вокруг двойственности, а не в контексте трагизма целостности, рискует утвердить своих подопечных в мысли, что каждый из них в отдельности и есть мера всех вещей. Но для современного, постхристианского человека, оценивающего, а не чтящего, имеющего вместо святых ценностей, этот путь может стать путём от гордости к гордыне. Именно об этом предупреждал упоминавшийся мною Г.К. Честертон: «Гордый примеряет всё на свете к себе, а не к истине. Вы не горды, если вы хотите что-то хорошо сделать или даже хорошо выглядеть с общепринятой точки зрения. Гордый считает плохим всё, что ему не по вкусу. В наше время развелось немало и конкретных, и абстрактных мерок; но молодые люди (и даже молодые женщины) всё чаще и чаще считают меркой себя, просто потому что не нашлось мало-мальски достойного веры эталона. Однако «я сам» — очень мелкая мера и в высшей степени случайная. Так возникает типичная для нашего времени мелочность, особенно свойственная тем, кто кичится широтой взглядов. Скептик думает, что он широк для прежних, казалось бы, крупных мерок, и в конце концов сковывает себя тиранией микроскопических эталонов»⁶.

Не завидую решимости С.Д. Полякова считать «вычеркнутыми, непатриотичными ... целые пласты истории, техники, производства и героических деяний (Октябрьская революция, баллистические ракеты Королёва, флот Петра I, песня «Интернационал»)). Решимость отрицания, свойственная патриотизму гордости, всё-таки заметно слабее решимости стояния перед лицом мира, присущей патри-

тизму великодушия. А какое в примерах, приведённых автором «Реалистического воспитания», поле для диалога и самоопределения! Для меня в Октябрьской революции есть не только русский бунт, заклёпанный Пушкиным, но и сознательный порыв тысяч светлых людей к более справедливому и свободному обществу. Среди крестьян — строителей российского флота я вижу лица не только несчастных жертв, но и мучеников за священное дело обороны земли своей от врагов, подвижников государственного строительства. А за «Интернационалом» — как безликие массы сталинских партийных съездов, так и деда, которого живым не видел, но который вступил в коммунистическую партию в окопах Сталинграда и, значит, пел эту песню в самые суровые часы своей жизни. И как человек, и как учитель, буду снова и снова возвращаться к этому...

Если патриотизм ни от чего в истории и культуре своей страны не отстраняется и не видит двойственности там, где есть трагедия целостности, то разговор о «несомненно патриотичном» оказывается излишне претенциозным. Когда вместе стоят А.С. Пушкин и А.Д. Сахаров, Д.Д. Шостакович и С.П. Королёв, то решать, кто в каком ряду, — занятие неблагодарное и ненужное.

Впрочем, если кто-то без несомненного обойтись не может, пусть выделяет, главное, чтобы несомненное не стало окаменевшим. В год празднования 200-летнего юбилея нашего национального гения один из старшеклассников, раздосадованный, очевидно, официозом, пропагандистскими штампами и учительским морализаторством вокруг этого события, с вызовом спросил меня: «Вы, правда, считаете, что Пушкин — наше всё?!» Я ответил, что действительно так считаю, потому что принадлежат эти слова моему великому однофамильцу поэту Аполлону Григорьеву (тут юноша улыбнулся), и потому что для меня, как и для многих других, Пушкин — больше чем великий поэт, он вечный повод самоопределения русского человека, русского интеллигента. Сколько из него ни пытались сделать революционера, демократа, либерала или, напротив, охранителя, государственника, почвенника, феномен Пушкина всякий раз оказывался и вне какой-либо однозначности, и вне двойственности. Современное пушкиноведение

⁶ Честертон Г.К., Указ. соч., С.485

(Л.М. Аринштейн, В.С. Непомнящий, И.Ю. Юрева) отмечает удивительную способность поэта удерживать вместе вещи, на первый взгляд трудно совместимые — свободу и империю, государственную целесообразность и общественный интерес, серьезность мысли и лёгкость слова. Пушкин явился, может быть, первым и последним русским «свободным консерватором» (П.А. Вяземский), который счастливо объединял в себе Сциллу и Хариду нашей истории. А после него не смогли, после него попадали в плен свободы выбора. После него более упражнялись в разъятии, чем в объединении. И сегодня эта задача — соединить свободу и порядок, построить гражданское общество в согласии с государством и национальными традициями — остаётся нерешенной. И сегодня Пушкин — и пример, и укор.

В заключение хочу отметить, что полностью согласен с С.Д. Поляковым в том, что в патриотическом воспитании должно быть больше обсуждений, споров, диспутов, дискуссий. Все предшествовавшие рассуждения имели целью показать, что диалоговые формы по-настоящему действенны тогда, когда содержание ориентированы не на воспитание гордости за позитивное, а на воспитание великодушия ко всему, что совершалось и

совершается во времени нашей истории и пространстве её культуры.

Это особенно важно в преддверии юбилея Победы. Чтобы, организовав дискуссию «Цена и уроки Великой Победы», не превратить её в бухгалтерский семинар и обличение, например, Г.К. Жукова, жертвовавшего батальонами во имя спасения дивизий. Чтобы в обсуждении многосерийного фильма «Штрафбат», честно затрагивающего многие непростые проблемы Великой Отечественной войны, не сформировать у школьников представления, что на фронте воевали только обречённые на смерть штрафники, подгоняемые заградительными отрядами. Чтобы знали, что сотрудники НКВД не только были членами этих отрядов, но и организовывали партизанское сопротивление, выявляли немецких шпионов и диверсантов в армейских тылах. Чтобы, наконец, дать ребятам почувствовать, что Победа — это «радость со слезами на глазах».

Допускаю, что после прочтения этого текста кто-то из читателей придёт к выводу, что между моей позицией и позицией С.Д. Полякова нет существенной разницы, не совпадают только оттенки. Что ж, возможно. Правда, бывает, что оттенки всего важнее. **НО**

Список использованных источников:

1. Поляков С.Д. Реалистическое воспитание. — М.: Центр «Педагогический поиск», 2004. — С.101 – 107
2. Честертон Г.К. Вечный Человек: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1991. — С.485
3. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. — С.16
4. Цит. по: Ямбург Е.А. Школа на пути к свободе: Культурно-историческая педагогика. — М.: «ПЕР СЭ», 2000. — С. 183
5. Честертон Г.К. Указ. соч. — С.485

Spisok ispol'zovannyh istochnikov:

1. Polyakov S.D. Realisticheskoe vospitanie. — М.: Centr «Pedagogicheskij poisk», 2004. — S.101 – 107
2. Chesterton G.K. Vechnyj Chelovek: Per. s angl. — М.: Politizdat, 1991. — S.485
3. Mamardashvili M.K. Kartezianskiye razmyshleniya. — М.: Izdatel'skaya gruppya «Progress», «Kul'tura», 1993. — S.16
4. Cit. po: Yamburg E.A. Shkola na puti k svobode: Kul'turno-istoricheskaya pedagogika. — М.: «PER SE», 2000. — S. 183
5. Chesterton G.K. Ukaz. soch. — S. 485